

Читайте в серии:

Облачное перо. Том 1

Облачное перо. Том 2

Гу Сяошэн

ОБЛАЧНОЕ ПЕРО 云之羽

Freedom

МОСКВА

2026

УДК 821.581(084)
ББК 84(5Кит)-80
Г93

顾晓声

1云之羽 VOLUME 2

Copyright © Gu Xiaosheng

版权所有：顾晓生

This edition is published by EKSMO Publishing House arrangement with Beijing United Creadion Culture Media Co., LTD through the agency of Tianjin Mengchen Cultural Communication Group Co., Ltd.

该作品由联合读创（北京）文化传媒有限公司授权、通过天津梦辰文化传播（集团）有限公司代理，由俄罗斯EKSMO 出版有限公司 出版社出版。

Иллюстрация на обложке *Soll*

Художественное оформление *Ксении Хан*

Перевод с китайского *Алисы Атаровой*

Гу Сяошэн.

Г93 Облачное перо. Том 2 / Гу Сяошэн ; [перевод с китайского А. Атаровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. : ил. — (Freedom. Китай в дорамах. Облачное перо).

ISBN 978-5-04-235744-2

Двор Гунмэнь охвачен тревогой, а за внешним спокойствием таится смертельная опасность. Враги уже проникли в самое сердце клана, и теперь каждый шаг может стать роковым.

Юнь Вэйшань все глубже запутывается в собственной лжи. Прибыв в Гунмэнь с тайной миссией, она должна была оставаться хладнокровной и помнить, что чувства лишь мешают делу. Но рядом с Гун Цзыюем маски начинают трескаться, и все сложнее становится исполнить долг.

Среди холодных залов, клинков, скрытого оружия и древних секретов героям предстоит решить, чему верить — приказу, крови или собственному сердцу. И когда буря наконец разразится, уже никто не сможет выйти из нее прежним.

УДК 821.581(084)
ББК 84(5Кит)-80

© А. Атарова, перевод на русский
язык, 2026

ISBN 978-5-04-235744-2 © ООО «Издательство «Эксмо», 2026

顾晓声

ГЛАВА 1

云之羽

В павильоне Цзюэ стояла мрачная тишина; под карнизами беззвучно кружился темный снег. Шаг за шагом Шангуань Цянь подошла к окну и сквозь створки посмотрела на Гун Шанцзюэ, молча сидевшего в комнате.

Второй господин Гун, всегда расчетливый и дальновидный, потерпел поражение от госпожи Уцзи, и было бы ложью сказать, что он не расстроился. Шангуань Цянь чувствовала, что именно сейчас он нуждался в утешении сильнее всего. Но расстояние и мера этого утешения должны быть выверены: несколько обеспокоенных взглядов из-за окна подойдут лучше всего.

В этот миг на холодном, суровом лице Гун Шанцзюэ отражалась редкая

мягкость. Неподвижно сидя в кресле, он разглядывал носовой платок с вышитым тигром, погруженный в воспоминания.

В тот год госпожа Лин была на восьмом месяце беременности и в своих покоях шила нагрудник для младенца. Ему же тогда было семь, и он сидел рядом с матерью. Госпожа Лин взяла два образца вышивки с тигренком и с зайчонком и предложила ему выбрать.

Она тихо спросила: «Какой тебе больше нравится?»

Он поднял глаза на мать и ответил: «Тигренок».

Госпожа Лин погладила свой живот и радостно улыбнулась, а он улыбнулся вместе с ней.

Она потрепала его по голове со словами: «Ты скоро станешь старшим братом и должен заботиться о младшем».

Он кивнул и громко выпалил: «Разумеется!»

Позже, когда ему исполнилось четырнадцать, он упражнялся во дворе, его семилетний младший брат Гун Ланцзюэ подбежал к нему, и он тотчас остановил движение.

Ланцзюэ указал на короткий меч у него на поясе: «Брат, я тоже хочу обучаться владеть мечом».

Он покачал головой, подражая тону старших: «Ты еще мал, поранишься».

«Брат, брат... но этот клинок такой красивый...»

Ничего не подделаешь — он вытащил меч из ножен и отдал младшему брату поиграть. На его лице играла улыбка, полная любви и нежности.

Наблюдая за Гун Шанцзюэ, Шангуань Цянь вдруг почувствовала, что и на нее кто-то смотрит. Она обернулась, спустилась по лестнице и увидела Гун Юаньчжи, стоящего во дворе.

Приподняв краешки губ, Шангуань Цянь спросила:

— Почему ты еще не ушел?

— Это мой дом. Почему я должен уходить? — по какой-то причине обычно уверенный в себе Гун Юаньчжи звучал сейчас не так твердо, а в его голосе сквозила детская обида.

— Тогда... почему молодой господин Цзюэ так зачарованно смотрит на этот платок с тигром? — прямо спросила она. Интуиция подсказывала ей, что эта вышивка — слабое место Гун Юаньчжи.

— Это его младшего брата...

— Того самого «брата Лана», о котором говорил молодой господин Чжи?

Гун Юаньчжи нахмурился:

— Почему ты все время подслушиваешь наши разговоры? Делать нечего, кроме как к стенам прижиматься?

Ничуть не смущенная этим, Шангуань Цянь, напротив, нарочито кивнула:

— Тогда и тебе стоит спросить себя, не слишком ли часто ты заходишь в павильон Цзюэ. Неужто в павильоне Чжи тебе так неуютно? Для меня искать будущего мужа — дело вполне естественное, а вот ты без конца цепляешься за старшего брата. Ты уже почти взрослый, не пора ли задуматься о женитьбе?

Гун Юаньчжи поперхнулся воздухом и тут же выпалил:

— Не лезь не в свое дело!

— Ничего, если ты мне не скажешь, я сама у него спрошу.

— Не смей спрашивать! Спросишь и только расстроишь брата болезненными воспоминаниями... — в голосе Гун Юаньчжи скользнула редкая для него нерешительность, и он странно смягчился.

— Почему же болезненными?

Помедлив, Гун Юаньчжи все же проговорил:

— У брата был родной младший брат... которого он очень любил...

— Разве не ты самый любимый младший брат молодого господина Цзюэ?

Между бровей Гун Юаньчжи пролегла складка. Впервые Шангуань Цянь увидела на лице этого вспыльчивого юноши тень хрупкости и печали:

— В сердце брата никто не сравнится с братом Ланом.

— Почему же я ни разу не видела брата Лана?

Лицо Гун Юаньчжи исказилось от гнева и боли:

— Потому что десять лет назад его и госпожу Лин убила секта Уфэн.

Шангуань Цянь пораженно замолчала.

Гун Юаньчжи пришел в себя, и его голос снова посуровел:

— В общем, не суйся и не расспрашивай.

Гун Цзышан закончила свои эксперименты с оружием и вернулась в павильон Шан. Еще не войдя во двор, она услышала крики и подумала, что, видимо, это веселится ее сводный брат Гун Цзиньшан.

И в самом деле: едва она зашла в ворота, как семивосьмилетний мальчик выскочил навстречу, размахивая погремушкой, а за ним гурьбой бежали служанки.

— Юный господин Цзиньшан, помедленнее!

Не успели они договорить, как Гун Цзиньшан споткнулся о ногу Гун Цзышан, и та вскрикнула от боли.

Мальчик упал, погремушка покатила по земле. Служанки побледнели, бросились его поднимать и встревоженно осматривать, причитая:

— Юный господин, вы не ушиблись?

Гун Цзышан подняла погремушку, отряхнула и с улыбкой протянула брату. Убедившись, что тот не пострадал, служанка лишь мельком взглянула на Гун Цзышан и небрежно поклонилась:

— Глава павильона.

Гун Цзиньшан вырвал у нее погремушку с криком:

— Воровка! Отдай!

— Но ведь это ты на меня налетел, — изначально Гун Цзышан не хотела спорить с ребенком, но, увидев отношение служанок, сразу поняла: его мать опять оговорила ее перед отцом, и тот, должно быть, снова публично выразил недовольство ею. Она присела на корточки, чтобы заглянуть брату в глаза: — И потом, я твоя старшая сестра. Нельзя быть со мной таким невежливым.

Гун Цзиньшан фыркнул:

— Тьфу, ты мне не сестра. Мама терпеть тебя не может.

Гун Цзышан на мгновение лишилась дара речи, а затем добавила:

— Твоя мама — не моя мама... но отец у нас один. Значит, мы все равно брат и сестра.

Гун Цзиньшан надул губы:

— Но отец говорил, что тоже не любит тебя!

Гун Цзышан почувствовала укол боли в сердце и промолчала.

Служанки поспешили увести мальчика, который, уходя, не прекращал бормотать:

— Какая из нее глава павильона? Я глава павильона Шан! Отец сказал: когда я вырасту, ей придется вернуть мне место главы! Хм!

Вдруг по неизвестной причине у него подогнулись колени, он снова упал и громко разрыдался.

Служанки перепугались, подхватили его, принимаясь утешать:

— Ай-я, юный господин, не плачьте, мы сейчас же отнесем вас в лечебницу...

Рядом с Гун Цзышан неожиданно появился слуга в черном — Сяо Хэй. Глаза его странно блестели, а на губах играла лукавая усмешка.

— Старшая барышня довольна? — спросил он.

— Чем довольна? — растерялась Гун Цзышан.

Сяо Хэй указал туда, куда унесли Гун Цзиньшана:

— Я заставил его встать на колени и извиниться.

Гун Цзышан тут же все поняла, прикрыла рот ладонью и рассмеялась:

— Так это ты устроил? — Девушка тихо вздохнула и похлопала его по плечу. — Хорошо, что ты у меня есть, Сяо Хэй.

Тот же воспользовался случаем и принялся жаловаться:

— А как же, я всегда думаю о том, как услужить старшей барышне. Только вы в последнее время обо мне забыли, даже исследования со мной не проводите. Ай-я, все бегаєте за тем мужчиной... как его там, Цзинь Фань, да? Хе-хе, я его запомнил.

Гун Цзышан развела руками:

— Ты же сам видел: хотя я отвечаю за дела павильона Шан, никто не воспринимает меня всерьез. Даже если я изобрету оружие лучше и сильнее, какой в этом смысл? Отец все равно не посмотрит на меня лишний раз...

Лучше уж быть доброй к Цзинь Фаню, по крайней мере, он искренен со мной...

Сяо Хэй пожал плечами:

— Правда? Я не заметил. Я только вижу, как вы без устали его преследуете.

Гун Цзышан вздохнула и вспомнила, как однажды заболела и лежала на кушетке в мастерской, мучаясь от жара.

Тогда она беспокойно спала, постоянно просыпаясь и кашляя, а ее голос был очень хриплым. Цзинь Фань спустился по задней лестнице со второго этажа, неся корзину с фруктами и говоря на ходу: «Старшая молодая госпожа, молодой господин Юй сказал, что это горные груши этого года. Он знает, что вы их любите, и велел передать вам корзину».

Спустившись, он обнаружил ее на кушетке и пораженно застыл, а потом приложил ладонь к ее лбу и нахмурился: «У вас такой жар, а никто не присматривает за вами? Где все слуги?»

Она была слишком слаба, чтобы ответить, лишь кашлянула.

Не заботясь о приличиях, Цзинь Фань поднял ее на руки и поспешил к лекарю: «Я отнесу старшую госпожу в лечебницу!»

Лежа в объятиях Цзинь Фаня, она уставилась на его встревоженное лицо и почувствовала, как дрогнуло ее сердце.

Вернув ее из лечебницы, Цзинь Фань еще сбегал за лекарством. Она взглянула на черный отвар, почувствовала его горький запах и поморщилась.

«На самом деле я уже выздоровела».

Цзинь Фань подвинул чашу к ней: «Меньше слов, пейте лекарство».

«Прошу извинить, просьба отклонена».

«Не вам распоряжаться».

«Ах, как тяжела моя доля...» — проговорила она и скрестила руки на груди.

«Разве вы не должны закрыть рот? А вы что прикрываете?»

Она тут же сменила позу: одной рукой зажала рот, другой — прикрыла грудь.

Цзинь Фань вздохнул: «Тогда подождите немного».

Достав маленький нож, он очень быстро срезал верхушку груши, очистил ее от кожуры и вынул сердцевину. Тончайшая кожура легла длинной лентой, а нежная белоснежная мякоть напоминала нефрит. Он сделал из груши чашу, и в воздухе повис сладкий аромат. Затем Цзинь Фань перелил лекарственный отвар в импровизированную чашу и подал ей: «Хотите съесть свои любимые горные груши? Тогда заодно выпейте и лекарство...»

Она была глубоко тронута изобретательностью и заботой Цзинь Фаня. Сделав глоток, она улыбнулась ему: «Горечь с привкусом сладости, сладость с привкусом горечи... Вот, значит, о какой сладко-горькой любви пишут в романах, вот он аромат привязанности...»

Цзинь Фань нахмурился и тут же выпрямился: «До свидания!»

Гун Цзышан очнулась от воспоминаний и махнула Сяо Хэю рукой:

— Ай-я, ты еще молод, разве можно объяснить чувства между мужчиной и женщиной в двух словах...

— Опять несете чепуху, я ведь, очевидно, взрослее вас.

— Взрослее меня ты только смелостью, а в остальном? Ты лишь кухонный служка, который тайком бегают сюда. Если тебя поймают, тебе конец.

— Раз уж вы так долго ко мне не приходили, пришлось мне самому прийти к вам, — ничуть не смутился Сяо Хэй.

Гун Цзышан махнула рукой и тяжело вздохнула:

— В последнее время в Гунмэнь царит полный хаос. Столько страшного произошло, я и напугана, и потрясена, и раздражена.

Сяо Хэй посерьезнел:

— Тогда расскажите мне, и я помогу вам прийти в себя.

Гун Цзышан огляделась, убеждаясь, что вокруг никого нет, а затем кивнула, поставила одну ногу на бортик цветника и, точно старик, потягивающий мышцы, наклонилась вперед со словами:

— Хорошо, потянемся и поболтаем.

Сяо Хэй потерял дар речи. Но затем тоже потянулся, последовав ее примеру.

— Дело вот в чем...

Сумерки сгущались, и в павильоне Юй слуги уже зажигали фонари во дворе. Сквозь тонкие занавески те сначала вспыхивали оранжево-красным, а затем разливалось серебристо-желтое сияние, разгорающееся все ярче.

С тех пор как Гун Цзыной постиг суть техники меча, он стал тренироваться еще усерднее. Закончив очередной комплекс движений, он по привычке погладил лисий хвост у себя на поясе и задумался.

Неподалеку в сумерках неподвижно застыл Цзинь Фань с мечом в руке. Он стоял спиной к Гун Цзыюю, охватывая взглядом все вокруг и прислушиваясь к свисту клинка. Он отчетливо ощущал стремительный рост внутренней силы Цзыюя — пока тот не вложил длинный меч в ножны и лезвие не отозвалось звоном.

Гун Цзыюй некоторое время смотрел на его спину и вдруг позвал:

— Цзинь Фань.

Тот медленно обернулся:

— Владыка клинка.

— Молодой господин Сюэ рассказал мне, что прежде ты был Рубиновым стражем.

После мгновения изумления Цзинь Фань вновь принял бесстрастный вид и опустил взгляд вниз:

— Все это в прошлом.

Ночь сгущалась, фонари мерцали. Цзинь Фань молчал, но в памяти невольно всплывали прежние дни.

В тот год его перевели с заднего склона горы в павильон Юй.

Гун Хуньюй посмотрел на него: «Цзинь Фань, с сегодняшнего дня ты официально станешь Нефритовым стражем переднего склона».

Он кивнул: «Да, Владыка клинка. Старейшины уже заставили меня принести клятву больше никогда не ступать на задний склон».

Гун Хуньюй тихо вздохнул, и в этом вздохе прозвучали и сожаление, и доверие: «Ты не жалеешь, что отказался от почетного звания Рубинового стража, чтобы стать личным телохранителем моего сына Юя?»

«Не жалею. Я с детства был сиротой, скитался без пристанища. Именно секта Гунмэнь дала мне место, которое я могу назвать домом. Будь то Рубиновый или Нефритовый страж, я все равно служу клану Гун».

«Хорошо. Я не ошибся в тебе. Тогда я также попрошу тебя дать клятву. Ты согласен?»

Он поднял руку: «Цзинь Фань клянется, что посвятит свою жизнь защите молодого господина Юя, даже если умру, не отступлю...»

Цзинь Фань быстро вернулся к настоящему и вновь взглянул на Гун Цзыюя. Он почувствовал, как в сердце разлилось тепло: оно того стоило. Он не предал клятвы, а Цзыюй не подвел его ожиданий. Более того, в миг, когда тот взмахнул мечом, он увидел в нем тень прежнего Владыки клинка.

Гун Цзыюй благодарно посмотрел на Цзинь Фаня:

— Я всегда держал обиду на отца...

— Хорошо, что недоразумение прояснилось. Владыка клинка всегда возлагал на вас большие надежды. Не разочаруйте его. Пройдите испытания Трех пределов и укрепите свое положение. Гунмэнь нуждается в вас.

— Обязательно, — серьезно ответил Гун Цзыюй. — Я пойду в комнату изучать карту Гунмэнь.

В личных покоях он подошел к письменному столу и внимательно изучил разложенную карту поместья. С тех пор как Гун Цзыюя назначили Владыкой клинка, изучение карты стало его привычкой. Он вдруг понял, что плохо знаком с Гунмэнь, и с помощью этого хотел осмыслить возложенную ответственность, упорядочить мысли, отличить верных от коварных и взять ситуацию под контроль.